

ЕЛИЗАВЕТА БЕРТТ

ЦЕПЕЛ КОРОЛЕЙ

В МИРЕ, ГДЕ ПОРЯДОК УМИРАЕТ,
РОЖДАЕТСЯ ЛЕГЕНДА

18+

Елизавета Бертт

Пепел королей

«Автор»

2026

Бертт Е.

Пепел королей / Е. Бертт — «Автор», 2026

Мирраэль Брандир не знала, что она — дочь дракона. Что её мать умерла тысячу лет назад, создавая тюрьму для Бездны. Что книга, найденная в старом амбаре, была написана для неё одной. И что каждая прочитанная страница приближает её к смерти. Врата треснули. Бездна просачивается в мир, стирая лица и имена. Имитаторы крадут память живых, делая их пустыми сосудами. Если врата не закрыть — мир исчезнет. Не будет ни боли, ни страха. Только пустота. Мирраэль идёт на север, к Игле Безмолвия. С ней отряд: два гнома, чьи кланы враждовали веками; эльфы-близнецы, один из которых видит смерти раньше, чем они приходят; Вестница, бежавшая из рабства; и воин с серыми глазами, который не говорит о чувствах, но всегда прикрывает её спину. Она знает, что идёт на смерть. Но она ищет не героическую гибель — она ищет другой путь. Тот, который не выбрали драконы. Тот, который может изменить всё.

© Бертт Е., 2026

© Автор, 2026

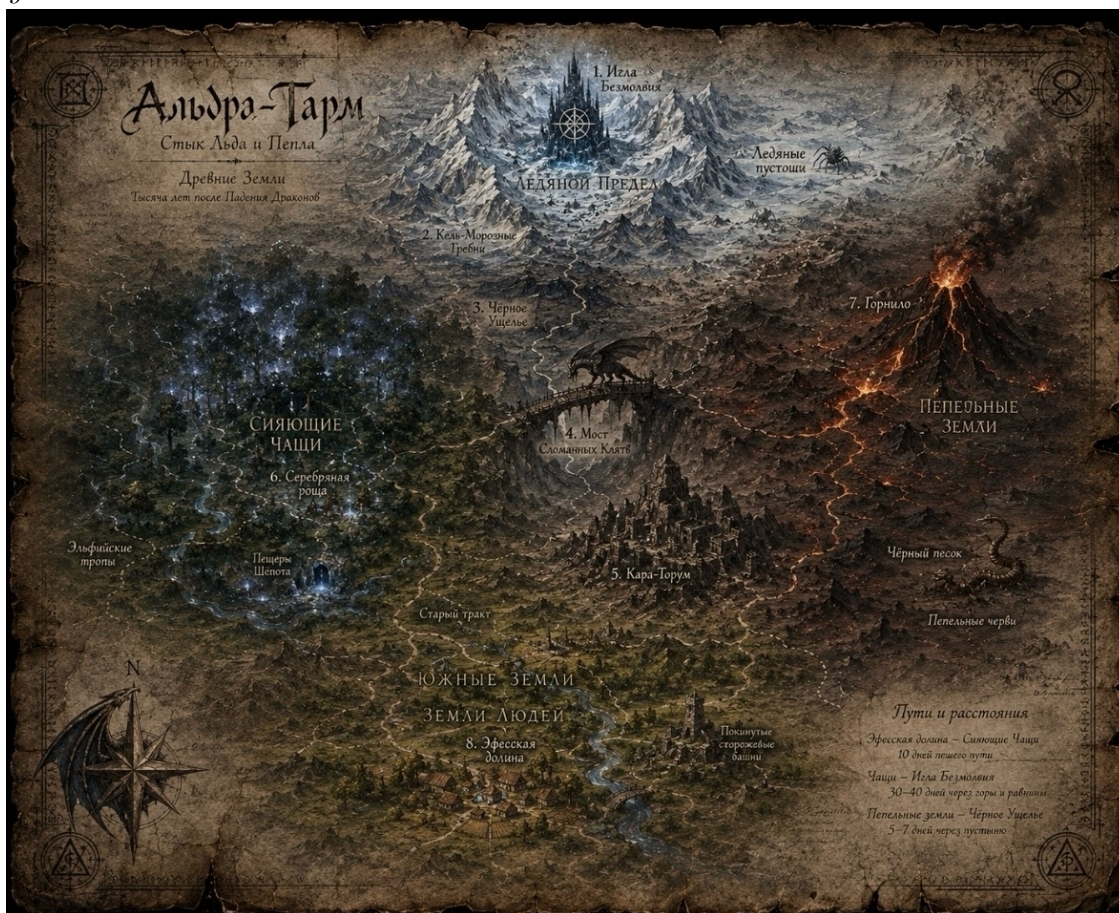
Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
Глава 1. Чёрная книга	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елизавета Бертт Пепел королей

Предисловие

Мир Альдра-Тарм был стар, и он помнил времена, когда драконы летали над горами, а тени их крыльев ложились на долины, как покрывала из тьмы. Он помнил эльфов, певших деревьям, и гномов, вырезавших города в скалах. Он помнил людей, пришедших позже всех, и тёплую землю под их ногами.



Но мир помнил и другое.

Войну, у которой не было имени. Ненависть, которая не нашла выхода. И Бездну, родившуюся из пустоты, оставшейся после битв. Она не убивала — она стирала. Лица, имена, саму суть вещей. Всё, чего она касалась, становилось серым и беззвучным.

Тогда драконы — последние из великих — построили Иглу Безмолвия. Тюрьму из чистого отрицания. Каждый камень был скреплен драконьей жизнью. Двадцать сердец угасли, чтобы мир остался миром.

Но трещина растёт. Время не лечит — оно разрушает. И пришел час Маяка — того, кто носит в себе искру дракона. Того, кто должен лечь на трещину и погасить её светом своей жизни.

Пепел королей — это не только пепел драконов, павших у Иглы. Это пепел надежд, что остается, когда выбор сделан. Это пепел тех, кто идет на смерть, чтобы жили другие.

Это история о той, кто согласилась стать ценой. И о тех, кто согласился идти с ней до конца.

Пролог

1000 лет назад. Игла Безмолвия, северный предел.

Здесь нет ничего, кроме крика. Лед здесь был старше самих гор. Он помнил то, что даже драконы не помнили. Как мир родился из огня и застыл, как первые существа выползли и посмотрели на звезды. Теперь звезды умирали и лед плакал.

Драконица Эллери стояла на краю пропасти и смотрела вниз, куда уходил свет. Внизу, где-то в глубине недоступной глазу - дышала Бездна.

Эллери не видела её — но слышала. Голос Эрагона. Того, кто был старше всех. Того, кто ушёл в пустоту первым и вернулся оттуда уже не драконом, а голосом. Он шептал ей прямо в сердце:

«Эллери... ты устала. Ты можешь остановиться. Просто открой дверь. Я покажу тебе их. Всех, кого ты потеряла».

Она сжала челюсти так, что треснула чешуя на скулах.

— Не сегодня, — прошептала она. — И не ты.

Позади неё, на склоне ледяного хребта, лежали тела. Двадцать драконов.

Они пришли сюда год назад — крылатые, сверкающие, бессмертные. Самая сильная раса Альдра-Тарма. Они не боялись ничего, кроме одной вещи: что их забудут. Теперь они лежали вплавленные в лёд, их крылья обуглились, глаза закрылись. Но искры — суть их душ — всё ещё горели внутри Камней-Печатей, которые они построили своими когтями.

Каждый камень стоил жизни. Эрагон ушёл первым, сказал: «Я стар. Мне не жаль». И шагнул в трещину, чтобы стать первой печатью, но Бездна не приняла его как жертву — она поглотила его, переписала, сделала своим рабом. Теперь его голосом говорила пустота.

После Эрагона ушли остальные. Аркант — с улыбкой. Сильвана — с песней. Двадцать имен, которые некому будет вспомнить, потому что драконов больше нет. Осталась только Эллери.

— Ты не удержишь её одна, — сказал Вейл Среброслый.

Волшебник стоял в трёх шагах, его посох из обсидиана чертил на льду руны, которые гасли быстрее, чем загорались. Он был стар — старше любого человека, старше некоторых эльфов, но перед Бездной он чувствовал себя ребёнком.

— Трещина растёт, — продолжил он. — Нам нужны пять камней. Пять.

— У нас есть четыре, — голос Эллери был сухим, как пепел. — И пятый - я.

— Ты - дракон. Ты нужна своему народу.

— Мой народ мертв. — Она обернулась, и ветер ударил в её морду, разметал искры из ноздрей. — Посмотри, Вейл. Двадцать тел, они знали на что шли. Аркант улыбался, Сильвана пела. Я стояла рядом и смотрела, как они гаснут, один за другим и ничего не могла сделать.

— Ты могла бы остановить их.

— Никто не мог их остановить. Бездна не терпит компромиссов. — Эллери перевела взгляд на трещину. Оттуда поднимался пар - не тёплый, а ледяной, вызывающий судороги. — Она хочет выход. Если мы не закроем врата, она вырвется и перепишет всё. Каждую память, каждую жизнь.

— Я знаю.

— Тогда не говори мне о жертве, я видела двадцать жертв. Я готова стать двадцать первой.

Вейл молчал. Его рука сжимала посох так, что побелели костяшки. Потом он сказал тихо:

— Есть другой способ.

Эллери замерла. Потом медленно, очень медленно повернула голову. Её золотые глаза сузились.

— Ты не посмеешь.

— Я уже провёл расчёты. Грань между расами тоньше, чем ты думаешь. Если взять человеческий эмбрион и сплести его с драконьей искрой...

— Ты создашь уродца.

— Я создам Маяк. — Вейл шагнул вперёд. — Живое существо, которое может быть и камнем, и ключом. Оно не умрёт, закрывая врата, оно будет жить с Бездной внутри, пока не придёт время.

— А когда оно придёт?

— Когда трещина станет слишком широкой, тогда Маяк вернётся, ляжет на трещину и погаснет.

Ветер стих. Даже Бездна затаила дыхание.

— Ты предлагаешь мне отдать тебе мою искру, — сказала Эллери. — Чтобы ты вплет её в чужую плоть, а через тысячу лет этот ребенок — уже взрослый человек — пришёл сюда и умер вместо нас.

— Вместо мира.

— Ты не бог, Вейл. Ты даже не полубог. Ты — трус, который боится заплатить своей жизнью.

Он не ответил, потому что она была права.

Эллери смотрела на него долго. Потом на тела своих братьев и сестёр. Потом на трещину, из которой тянулись щупальца серого тумана.

Она представила лицо той, кто будет носить её пламя. Не дочь — дочь умерла тысячу лет назад, в другой войне, когда люди ещё не умели говорить. Это будет кто-то чужой, тот кто никогда не увидит неба с высоты драконьего полёта. Кто-то, кто будет дрожать от холода и плакать по ночам.

Прости меня, — подумала она. — *Ты даже не знаешь, что мы встретимся. Но когда ты прочтешь книгу...*

— Делай, — сказала она вслух.

Вейл поднял посох, серебряный свет выжег тень из-под её крыльев.

Эллери почувствовала, как искра — её суть, её имя, её тысяча лет памяти — отделяется от тела. Это не было больно, это было хуже: это было пусто.

Она падала на лед уже мертвой, но перед тем, как тьма поглотила её, она успела прошептать:

— Назови её Мирраэль. «Та, кто видит свет в конце».

Вейл сжимал в ладонях светящуюся сферу — драконью искру. Она пульсировала, как живое сердце. Он смотрел на юг, туда, где в зелёной долине, которой ещё не дали имя, через тысячу лет девушка откроет книгу и заплачет над судьбой вымышленного рыцаря.

— Я назову её так, — сказал он пустоте. — Но я не скажу ей, что она идёт умирать, не сразу.

Он развернулся и пошёл прочь от ледяного хребта.

Двадцать драконьих тел остались лежать под звездами. Их чешуя вмерзала в лед, кости срастались с камнем. Говорят, если приложить ухо к скале у Иглы Безмолвия, можно услышать, как они дышат. Не потому, что живы, потому что смерть дракона — это не конец. Это ожидание.

А внизу Бездна засмеялась голосом Эрагона:

— *Ты обманула меня, Эллери. Ты создала обман, но обман тоже можно переписать. Я подожду, я умею ждать.*

Вейл ускорил шаг. Книга, которую он напишет, будет стоять ему больше, чем жизнь, но он знал: когда Мирраэль прочтет ее — будет уже поздно возвращаться и он был прав.

Через тысячу лет, в маленькой деревне Эфесская долина, девушка по имени Эль найдёт в старом амбаре чёрную книгу без автора и откроет её.

Бездна затихла, но только на тысячу лет.

Глава 1. Чёрная книга

Мир Альдра-Тарм был стар, он это знал.

Он помнил времена, когда драконы летали над горами, а их тени ложились на долины, как покрывала из тьмы. Он помнил эльфов, которые пели деревьям, и деревья отвечали им, поднимая кроны к небу. Он помнил гномов, которые вырезали в скалах города и свет факелов в этих городах горел тысячу лет. Он помнил людей, которые пришли позже всех и поселились у подножий холмов, строя дома из глины и камня, и этот камень был теплым от земли, на которой они стояли.

Но мир помнил и другое.

Он помнил войну, которая не имела названия, потому что никто не хотел её называть. Он помнил, как драконы и эльфы стояли друг против друга, как трескалась земля под ногами, как небо затягивалось дымом, который не рассеивался веками. Он помнил, как люди смотрели на это и боялись.

А потом, в тишине, которая наступила после войны, из пустоты родилась Бездна. Она не была ни врагом, ни союзником — она была отрицанием всего, что существовало. Она не убивала, стирала, и мир, ослабевший после войн, не смог дать ей отпор.

Тогда драконы, последние из великих, построили Иглу Безмолвия. Тюрьму, запертую не камнем и железом, а чистым отрицанием существования. Каждый камень был сделан из драконьей жизни. Двадцать драконов ушли в лед, чтобы мир остался.

И мир выжил, но изменился.

Прошло тысячелетие. Драконы стали легендой. Эльфы ушли в свои леса и редко показывались людям. Гномы спрятались в горах и шахтах, их голоса редко доносились до поверхности. Люди остались. Они жили на том, что оставили им древние и постепенно забывали, как мир выглядел раньше.

В Эфесской долине, на юге, где земля была мягкой и плодородной, люди жили так же, как их деды. Они пахали землю, растили овец, собирали урожай. Редкий путник проходил через их земли, ещё реже — оставался. Время здесь текло медленно и это казалось правильным.

Но мир никогда не бывает полностью спокоен. Под поверхностью, в трещинах реальности, Бездна дышала.

И там, в Эфесской долине, жила она.

Эфесская долина, три дня до осеннего равноденствия.

Три недели небо висело серой пеленой, не пропуская солнца. Вода стояла в низинах, дороги развезло и деревня замерла в ожидании зимы, которая всегда приходила раньше, чем её ждали. В домах топили печи, пахло дымом и мокрой шерстью и только старый дуб у околицы все еще держал желтые листья, словно отказываясь сдаваться. Западные холмы долины идеально вписывались в погодные условия.

Эль стояла на коленях у старого дуба у околицы, дождь стекал по ее лицу. В руках она держала птенца — маленького, мокрого, дрожащего. Он выпал из гнезда, и его крылышко было сломано, тонкая косточка торчала под углом, которого не должно быть. Птенец смотрел на нее черным глазом и дрожал.

Она не знала, зачем подняла его. Может быть, потому что никто другой не остановился.

Юная девушка завернула его в край плаща и понесла домой.

В доме было тепло. Она положила птенца на стол, осмотрела рану, наложила шину из тонких веточек и перевязала. Он не кричал — только смотрел на нее, и в его глазах было то же доверие, которое она видела у больных зверей, которых лечила. Они всегда смотрели так: они знали, что она не причинит зла.

— Ты не выживешь, — сказала она ему. — Ты маленький, ты слабый, и даже если крыло срастется, ты не сможешь летать как прежде. Лес съест тебя.

Птенец не ответил. Он только прижался к ее пальцу, ища тепло.

Эль молчала долго. Потом сказала:

— Но я попробую. Сделаю, что могу. Остальное — не моя забота.

Она поставила его в коробку с сухой травой, оставила немного хлеба и воды и вышла из дома.

Она знала, что он, скорее всего, умрет. Знала, что ее усилия бесполезны, но она не могла пройти мимо. Не потому, что была доброй, потому что была упрямой.

Мирраэль Брандир была из тех, кто не оставляет умирать без боя.

Мирраэль не любила осень. Не за холод — холод она переносила легко. За тишину, которая наступала вместе с дождями. За то, что люди запирались в домах и переставали говорить. За то, что в этой тишине слишком хорошо слышны были собственные мысли.

А мысли последние недели были тревожным. Сны.

Они приходили каждую ночь. Сначала — просто тени. Фигуры, которые двигались на границе зрения, исчезали, когда она пыталась разглядеть их. Потом — голоса. Шепот, который она не могла разобрать, но который оставлял после себя липкое чувство тревоги, в последние несколько ночей — образ, воина. Высокий, в темном плаще, с серыми глазами, которые смотрели на нее с такой холодной пустотой, что она просыпалась в поту.

Она не говорила об этом Олдену. Он был стар и она не хотела беспокоить его по пустякам, но сегодня утром, когда она вышла из дома и направилась к амбару за травами, что-то изменилось.

Она не знала, что именно. Просто в груди появилось тепло — не от сердца, а глубже, там, где, казалось, ничего не должно было быть. Оно росло с каждым шагом, пока не стало почти невыносимым.

Она остановилась у дверей амбара. Темные волосы, почти черные, падали на плечи тяжелыми волнами, непослушные и вечно растрепанные. Кожа смуглая, как у всех, кто родился в южных долинах, но на её лице не было следов деревенской грубости только тонкие скулы, прямой нос и губы, которые редко улыбались, но когда улыбались — меняли все лицо.

Самое странное в ней были глаза. Золотые. Не карие, не янтарные — именно золотые, с глубоким, теплым отливом, который вспыхивал ярче, когда она злилась или боялась. Никто в деревне не мог объяснить, откуда у простой деревенской девушки такие глаза. Олден говорил, что это от солнца, но солнце не делает глаза золотыми — только драконья кровь.

Мирраэль Брандир была невысокой чуть выше среднего роста, стройной, но жилистой, с руками, привыкшими к тяжелой работе. Длинные пальцы, сильные запястья. Она носила простую тунику из грубой ткани, подпоясанную ремнем, и сапоги, которые пережили уже четыре зимы.

Она двигалась легко, почти не слышно — как человек, привыкший ходить по лесу и не шуметь. Когда она сосредотачивалась, ее глаза загорались, и тогда казалось, что внутри нее действительно есть огонь, который ждет, чтобы вырваться.

Но она сама этого не знала. Она не знала, что ее красота не человеческая. Что она унаследована от той, кто никогда не ходила по земле в облике человека, от драконицы.

Приложила руку к груди. Тепло пульсировало в такт сердцу.

— Что это? — прошептала она.

Ответа не было, но она уже знала — это связано с тем, что лежит внутри. Она толкнула дверь.

Амбар был темен и холоден. Свет пробивался сквозь щели в стенах, выхватывая из мрака груды старого хлама: сломанные колеса, ржавые серпы, мешки с гнилым зерном. Запах сухой пыли и мышиного помета ударил в нос. Эль прошла к дальнему углу, туда, где стоял старый

сундук, окованный железом. Он был задвинут так далеко, что почти сливался со стеной. Она не знала, почему ее потянуло именно туда, она просто пошла, повинаясь тому же теплу, что жгло грудь.

Она опустила на колени и заглянула за сундук. Там, в пыли, лежала книга. Черная и тяжелая. Без названия на обложке, без украшений, только вмятина на коже — след, похожий на коготь. Эль протянула руку и коснулась её.

Тепло внутри вспыхнуло ярче и книга отозвалась. Под пальцами она стала горячей, почти обжигающей, но Мирраэль не отдернула руку. Она подняла ее, стряхнула пыль и открыла на первой странице. Бумага была пустой.

Но когда провела по ней пальцем, на ней начали проступать буквы — серебряные, как звезды в безлунную ночь.

«Ты ее открыла. Значит, время пришло».

Эль нахмурилась. Она ждала чего угодно, но не этого.

— Кто ты? — спросила она вслух.

Книга не ответила, но страницы шевельнулись сами собой, открывая новую страницу, где уже было написано:

«Я — голос твоей матери. Настоящей. Той, что родила тебя не в этой деревне, а в огне и льду, за тысячу лет до того, как ты появилась на свет. Меня зовут Элери. Я дракон. Я умерла, чтобы ты могла жить».

Эль долго смотрела на эти слова. Она не испугалась, она просто сидела на коленях в пыльном амбаре и переваривала информацию. Её мать — дракон, она сама — дочь дракона. Это объясняло сны, но казалось полным бредом. Однако объясняло тепло, объясняло все, что она чувствовала, но не могла выразить словами.

— Почему я не знала этого раньше? — спросила она.

Страницы снова шевельнулись:

«Потому что ты не была готова. Ты должна была вырасти, не зная правды. Ты должна была стать сильной, прежде чем узнать, зачем ты существуешь».

— Зачем я существую?

«Ты — Маяк. Ты должна закрыть врата в Бездну. Если ты не сделаешь этого — мир погибнет. Ты умрешь, но мир выживет».

Эль закрыла книгу. Она не знала, что такое Бездна. Не знала, что такое врата, но она знала, что книга не врет. Она чувствовала это.

Она вышла из амбара, сжимая книгу в руках, и направилась к дому Олдена.

Дом старейшины. Час спутя.

Олден сидел у камина и грел руки, когда Эль вошла. Темноволосый старик с седыми прядями поднял на нее глаза и в его взгляде мелькнула тень узнавания. Не удивления — узнавания. Будто он знал, что она придёт именно сегодня.

— Ты нашла ее, — сказал он.

— Ты знал, что она там?

— Знал. — Он помолчал. — Твой отец — тот странник, который принес тебя — сказал мне, что однажды ты найдешь эту книгу. Он сказал, что я не должен вмешиваться, ты должна сделать свой выбор сама.

— Мой выбор? — Эль подошла ближе. — Какой выбор?

— Идти на север или остаться.

— Он не сказал, что меня ждет на севере?

— Сказал. Смерть. — Олден встретил её взгляд. — Он сказал, что ты умрешь, если пойдешь, но если не пойдешь — умрут все остальные.

Эль села напротив него, она смотрела на огонь, и в её глазах отражалось пламя углубляя золотые глаза и делая их ярче.

— Ты веришь в это? — спросила она.

— Я верю в то, что видел, — ответил Олден. — Я видел Имитаторов. Я видел, как они приходят в деревни и крадут лица мертвых. Я видел, как люди теряют память, теряют имена, становятся пустыми оболочками. Это — Бездна, когда она приходит, ничего не остается.

Эль молчала, обдумывала, взвешивала.

— Ты говоришь, что я умру, если пойду на север.

— Да.

— А если я останусь? Если я просто сожгу книгу и забуду об этом?

— Тогда я умру, Линн и Марта. И все, кого ты знаешь. — Олден пожал плечами. — Не сразу, но Бездна приходит медленно. Она не убивает — она стирает. Сначала — воспоминания, потом — имена, потом — лица. И однажды ты проснешься и не вспомнишь, как меня зовут, а потом ты забудешь, как зовут тебя.

Эль сжала книгу в руках.

— Почему я? — спросила она. — Почему не кто-то другой?

— Потому что ты — Маяк. Ты — единственная, кто может закрыть врата. Твоя мать отдала свою жизнь, чтобы создать тебя, ты — ее искра, ее наследие, ее надежда.

— Значит, у меня нет выбора.

— Выбор есть всегда. — Олден посмотрел на нее. — Ты можешь сказать «нет» и остаться здесь и жить. Никто не заставит тебя идти, но тогда ты будешь знать, что ты могла спасти их и не сделала этого.

Эль поднялась.

— Я пойду, — сказала она. — Я пойду, потому что я не хочу жить с этим знанием.

Олден кивнул. На его лице не было удивления.

— Я знал, что ты так скажешь, — сказал он.

Он подошел к сундуку у стены, открыл его и достал старый, потертый пергамент, протянул Эль.

— Это карта. Она приведет тебя к отряду. Они ждут тебя у подножия Сияющих Чаш. Иди на север, не сворачивай и не доверяй никому, кроме тех, кого Вейл назовет по имени.

— Вейл? — Эль нахмурилась.

— Волшебник. Он тот, кто создал книгу, он ждет тебя.

— Он знает, что я иду?

— Он знает все. — Олден улыбнулся. — Он ждал тебя тысячу лет.

Девушка испугалась, но она ждала чего-то нового, необъяснимого — всю свою жизнь. Драконья кровь бурлила в ее венах и Эль была слишком мала для этой деревни, она знала, что ее ждет что-то больше, чем сборы урожая и стрижка овец.

На рассвете следующего дня Эль ушла. Она не прощалась с соседями, не плакала. Она просто взяла книгу, карту, нож, который всегда лежал у нее под подушкой из-за кошмаров и шепота, и вышла из дома.

На пороге ее ждал Олден. Он стоял, опираясь на палку, и смотрел на нее так, как смотрят на людей, которых больше не увидят.

— Ты уверена? — спросил он в последний раз.

— Уверена, — сказала она.

— Тогда иди и не оглядывайся.

Она не оглянулась.

Эль пошла через мокрое поле с пшеницей, мимо овец — уходя за пределы деревни прямо в лес. Шла через ручей, который вздулся от дождей. Ветер хлестал по лицу, но она не чувствовала холода, внутри горел огонь.

Книга за пазухой была теплой. Когда она вошла в лес, тьма сгустилась, и Эль остановилась, чтобы свериться с картой.

Теплая книга за пазухой не давала ей покоя и она открыла ее. Она не заметила как простояла некоторое время вчитываясь в главы и осознавая, что она сейчас читает в книге все, что с ней произошло. Она открыла рандомную страницу. Прочитав ее она узнала про гнома Скириллата, его шутки забавляли, а колкие словечки с сарказмом — отдавались теплом внутри.

Она не стала читать дальше, оставила это на потом, так как туман начал сгущаться.

Она уже знала все, что нужно, она шла на север, чтобы умереть и в этом не было ни капли сентиментальности. Только холодная решимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.